

Эдикты Августа из Киренаики

В 1927 г. на месте древней рыночной площади в Кирене была найдена мраморная стела, на лицевой стороне которой были записаны на греческом языке пять эдиктов императора Августа. Важность этого памятника для истории принципата неоспорима, и мы считаем необходимым дать перевод этих эдиктов, коснуться ряда вопросов, какие возникли по поводу находки в Кирене, и поставить самостоятельно некоторые новые проблемы, которые если и нельзя еще разрешить, то во всяком случае можно сформулировать отчетливее, чем раньше¹.

Перевод

I

[7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти, император четырнадцатый раз, говорит:

«Мне известно, что в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих ценз в 2500 денариев или более, проживает (5) всего 215 человек, из каковых и назначаются судьи, и, как пожаловались посольства из городов этой провинции, среди них существуют некоего рода тайные сообщества (συνομοτησίας), угнетающие эллинов при процессах, грозящих смертной казнью, ибо одни и те же лица поочередно выступают то в качестве (10) обвинителей, то свидетелей. Я и сам установил, что некоторые невинные угнетены таким образом и подвергнуты высшей мере наказания (ἐς τὴν ἐσχάτην ἡμέραν τιμωρίαν). Поэтому—впредь до того, как сенат вынесет какое-либо постановление по этому вопросу или я сам найду что-либо лучшее, по моему мнению, справедливо и целесообразно поступят те, кто будет управлять провинцией Критом и Киренаикой (οἱ τὴν Κριτικὴν καὶ Κυρηναϊκὴν ἐπαρχίαν καθέξοντες), если назначат в области (15) Кирены в одинаковом числе судей как из эллинов, обладающих высшим цензом, так и из римлян.

Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом (τίμια καὶ ὀσία), если только найдется достаточное количество таких лиц, в 7 500 денариев, или же, если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители про-

¹ Перевод сделан по изданиям: A. P r e m e r s t e i n—Die fünf neugefundenen Edikte des Augustus aus Kyrene в журнале «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Romanistische Abteilung (в дальнейшем обозначается сокращенно ZSt) B. 48, 1928, S. 419—531; J. S t r o u x und L. W e n g e r—Die Augustus Inschrift auf dem Marktplatz von Kyrene в ABAW, philol. hist. Kl., B. 34, Abh. 2. Обзор статей, появившихся до 1931 г., в статье P r e m e r s t e i n'a—Zu den Kyrenäischen Edikten des Augustus, Literaturberichte und Nachträge, ZSt. R. 51, 1931, S. 431—459; M. H a m m o n d—The Augustan Principate. Cambridge, Massachusetts, 1933; G. G a j é,—De Caesar à Auguste, RH, 1936.

винций назначат (20) владеющих половиной, но никак не меньше, указанного выше имущества, в суды по разбору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью. Если эллину-подсудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов, и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и (25) написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребии с именами римлян, из другой—с именами эллинов, до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть ответит по одному из римлян и из эллинов, обвиняемый же—трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же все эллины. Затем (30) все остальные приводятся к подаче голосов и опускают голоса отдельно: в особый ящик—римляне и отдельно, в другой ящик,—эллины. Потом, после того как будет произведен подсчет голосов отдельно тех и других, пусть правитель объявит во всеуслышание то, что решило большинство тех и других вместе. И поскольку незаконную смерть родственники убитых по большей части не оставляют неотомщенной (35), и, естественно, найдутся эллины-обвинители, которые возбудят дело по поводу убитых родственников или сограждан, то справедливо и целесообразно, по моему мнению, поступят те, кто будет управлять Критом и Киреной, если они в области Кирены не допустят римлянина в качестве обвинителя по делу об убийстве эллина или эллинки, за исключением того случая, когда дело по поводу убийства кого-либо из своих родственников (40) или сограждан возбуждает удостоенный римского гражданства эллин.

II

[7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

Порицания и хулы не заслуживает Публий Секстий Цеца за то, что он Авла Стлакция Максима, сына Луция, Луция Стлакция Македонянина, сына Луция, и Публия Филерота, вольноотпущенника Публия, после того как они сообщили, что знают нечто, касающееся (45) моего благополучия (πρὸς τὴν ἐμὴν σωτηρίαν) и государственных дел, и намереваются об этом сказать, позаботился закованными послать из провинции Киренаики ко мне, ибо Секстий поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью. Впрочем, поскольку они доказали мне совершенно ясно, что ничего касающегося меня и государственных дел они не знают, а то, что они говорили в провинции (50), они выдумали и показали ложно, я их освободил и отпускаю из-под стражи. Авлу же Стлакцию, которого послы киренцев обвинили в том, что он из общественных мест убрал статуи, в том числе ту, на которой город написал мое имя, до тех пор, пока я не разберу этого дела, я запрещаю выезжать без моего разрешения.

III

[7—6 г. до н. э.]. (55) Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очередь с корпорацией эллинов (ἐν μέρει τῶ τῶν Ἑλλήνων σώματι)¹, отнюдь не меньше; исключаются те, кому по закону или постановлению сената, по решению моего отца или же моему вместе с гражданством дано освобождение от повинностей (60). Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей (лишь) по тому имуществу, которое было тогда (когда было даровано право гражданина), а за все приобретенное после им следует платить установленное.

¹ Комментатор (P r e m e r s t e i n, ZSt, 48, S. 467) считает, что в латинском эдикте стояло: munera praestare per vices corpori Graecorum.

IV

[7—6 г. до н. э.]: Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

По всякого рода процессам, какие возникнут между эллинами, живущими в провинции Киренаике (65), за исключением преступлений, наказуемых смертной казнью, каковые тот, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним решение сам или же назначить суд присяжных,—по всем остальным делам должно давать в качестве судей эллинов, если какой-нибудь обвиняемый или ответчик сам не захочет иметь судьями римских граждан. Если сторонам, в силу моего эдикта, будут даваться судьи эллины (70), не следует давать ни одного из этих судей из того города, из которого происходит обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик.

V

Император Цезарь Август, великий понтифик, в девятнадцатый год трибунской власти говорит:

Сенатское постановление, принятое в консульство Гая Кальвизия и Луция (75) Пассиена в моем присутствии и за моей подписью (*συνηγραμένον*), касающееся безопасности союзников римского народа, дабы оно было известно всем тем, о ком мы заботимся, решил я послать в провинции и распространить в качестве моего эдикта, из которого будет ясно всем (80) живущим в провинциях, какую заботу прилагаем мы—я и сенат—о том, чтобы никто из наших подданных не потерпел против надлежащего и не заплатил лишнего.

С е н а т с к о е п о с т а н о в л е н и е:

[4 г. до н. э.]. Консулы Гай Кальвизий Сабин и Луций Пассиен (85) Руф сделали доклад о деле, по поводу которого император Цезарь Август, наш принцепс, на основании решения состоящего при нем совета, избранного по жребию из сената, выразил пожелание, чтобы через нас (т. е. через консулов)¹ представлено было сенату о том (о деле), касающемся безопасности союзников римского народа (90); сенат постановил: наши предки установили (особые) суды для разбора дел о востребовании денег, чтобы союзники легче могли выступать с обвинением в причиненном им вреде и требовать обратно отнятые у них деньги. Так как суды эти иногда обременительны и тяжелы для тех, ради кого был написан (95) закон, поскольку из дальних провинций привлекаются в качестве свидетелей люди бедные или же немощные вследствие болезни или старости, сенат постановляет: если кто-нибудь из союзников после вынесения настоящего постановления пожелает от лица общины или же частным путем востребовать обратно взысканные с него деньги, за исключением того случая, когда против вымогателя направлено уголовное преследование, и объявит это (100), явившись к одному из тех магистратов, кому положено созывать сенат, тот магистрат должен как можно скорее привести их в сенат и дать им патрона (*συνήτορον*), который будет за них говорить перед сенатом, кого они сами захотят. Пусть защитником не будет назначен против воли тот, кому по закону дано освобождение от этой литургии. Чтобы выслушать тех, против кого (105) приносится в сенат обвинение, тот магистрат, который привел их в сенат, в тот же день на заседании сената, на котором должно быть не меньше двухсот сенаторов, избирает по жребию из всех консуляров, находящихся в самом Риме или не более чем в 20 милях от города, четырех; равным образом из преториев, находящихся в Риме или не более чем в 20 милях от города,—трех (110); равным образом из остальных сенаторов или из всех тех, кто находится в Риме или не более чем

¹ δι' ἡμῶν—через нас. По мнению Премерштейна (ZSSt, 48, S. 482¹), или при переводе с латинского, или же при редактировании постановления допущена стилистическая неправильность. Должно было быть διὰ σφων или δι' ἑαυτῶν—через них.

в двадцати милях от города—двух. Пусть он не выбирает по жребию никого из тех, кому 70 или более лет, кто находится во власти или управлении¹, или кто председательствует в судах, или кто ведает раздачей хлеба (ἐπιμελητὴς σιτομετρίας); или того, кому болезнь воспрепятствует (115) выполнить эту повинность и кто сумеет это в отношении себя сам клятвенно подтвердить и представить трех членов сената, могущих подтвердить это клятвенно перед сенатом; или того, кто находится в родстве или свойстве с ним [с обвинителем], так что его на основании судебного закона Юлия нельзя заставить против воли быть свидетелем в государственном суде²; или того, относительно кого обвинитель поклянется, что тот ему враг; но пусть он ответит под присягой не больше, чем трех [сенаторов]. После того, как девять (120) избраны таким образом, магистрат, который производил жеребьевку, пусть позаботится, чтобы те, кто требует возвращения имущества, и тот, с кого требуется возвращение, отводили из них по очереди, пока не останется пять человек. Если кто из этих судей умрет до решения дела или другая какая-либо причина воспрепятствует ему судить, и его просьба будет клятвенно подтверждена пятью членами (125) сената, тогда магистрат в присутствии судей, а также истцов и ответчика, пусть выберет по жребию дополнительно одного из тех сенаторов, которые принадлежат к тому же рангу и несли ту же должность, как и тот, на чье место производится дополнительная жеребьевка, при том условии, что магистрат не будет дополнительно избирать того, кого на основании настоящего постановления сената в деле против обвиняемого не дозволено избирать (130). Избранные судьи пусть выслушивают и выносят постановления только относительно того имущества, относительно которого кто-нибудь в частном порядке или от лица общины обвиняется, как вымогатель, и ту сумму денег, о которой обвинители частно или от лица общины докажут, что она у них отобраана путем вымогательства, пусть судьи прикажут отдать обратно; при этом судьи должны вынести решение в течение тридцати дней. Те, кому должно (135) разобрать дело и вынести по нему решение, до тех пор пока они его не разберут и не вынесут решения, пусть освобождаются от всех общественных обязанностей, за исключением общественных жертвоприношений. Сенат постановляет [также], чтобы магистрат, производивший выборы судей по жребию, или, если он не может, то первоприсутствующий из консулов (140) пусть ведет это заседание и дает возможность свидетелям, находящимся в Италии, дать показания, при условии, что за требующего назад свои личные деньги он допустит не более чем пяти, а за требующих деньги от лица общины не более чем десяти свидетелям дать показания. Равным образом сенат постановляет, чтобы судьи, которые будут избраны на основании настоящего сенатского постановления, высказались открыто, как каждый из них думает, и пусть будет так, как решит большинство.

Одним из основных вопросов, какой может быть поставлен на основании наших источников, является вопрос о политике Августа по отношению к провинциям. Четыре первых эдикта имеют в виду только Киренаику, пятый же содержит распоряжение, касающееся всех провинций. Рассмотрим сначала те данные, которые относятся непосредственно к Киренаике.

По завещанию Птолемея Апиона³ Киренаика была передана Риму; города этой области сохраняли автономию, но были объявлены под римским протекторатом.

¹ ἐπ' ἀρχῆς ἢ ἐπ' ἐξουσίας. Этими терминами, очевидно, переведены латинские выражения *in imperio* и *in potestate*. Как показывает сравнение латинского и греческого текстов *Res gestae divi Augusti*, определенной закономерности в передаче этих латинских терминов по-гречески не существовало. По-русски также нет терминов, адекватных этим понятиям римского государственного права.

² ἐπὶ δημοσίου δικαστηρίου—*in iudicio publico*.

³ В 1932 г. была найдена надпись, содержащая завещание отца Птолемея Апиона, Птолемея Еввергета, по которому Киренаика, в случае если бы после Еввергета не оста-

В 74 г. Киренаика была превращена в римскую провинцию, а в 34 г. Марк Антоний объявил ее царством и отдал дочери Клеопатры, Клеопатре Селеке; в 27 г. Киренаика вместе с Критом составила провинцию, управитель которой носил титул проконсула. К проконсулу Киренаики и Крита и обращены разбираемые нами эдикты.

По словам Страбона, приводимым Иосифом Флавием (Ant., XIV, 7, 2, § 115), население Киренаики делилось на граждан, землевладельцев, метеков и иудеев.

Эдикты называют только эллинов. Повидимому, имеется в виду та категория населения, которая у Страбона отнесена к гражданам (πολίται).

Киренаика делилась на городские округа, города эти пользовались известными правами. Они направляют посольства непосредственно к Августу. Первый эдикт упоминает о посольствах из городов Киренаики (I, 8), о послых — οἱ πρέσβεις — упоминает и второй эдикт (II, 52). Как и в других греческих городах, полноправные граждане несут повинности в пользу города (III), и, очевидно, в этих целях эллины организуют особую корпорацию τὸ τῶν Ἑλλήνων σῶμα — выражение, которым, повидимому, дословно переводилось латинское *corpus Graecorum*.

Термин Ἕλλην не обозначает грека по рождению. Повидимому, в Киренаике, как и в Египте, так называлось привилегированное эллинизированное население, которое могло воспитываться в гимназиях и принадлежать к эфебиям. Другие категории населения, упоминаемые Страбоном, не названы в эдиктах. Таким образом, известные преимущества и льготы не распространялись на γεωργοί (aratores), к которым относилось исконное туземное население, большинство которого, если судить по аналогии с Сицилией, арендовало государственные и городские земли. Они не распространялись на метеков, бывших, вероятно, ремесленниками, а также на иудеев, которые, как это видно из других памятников, имели свою организацию с архонтом в главе; привилегированные члены общины могли получать и римское гражданство (I, 39). Наши источники не упоминают рабов, поскольку они не пользовались никакими правами; второй эдикт хотя и упоминает вольноотпущенника, но не дает права сделать какое-либо заключение о положении вольноотпущенников.

Наши надписи бросают свет на взаимоотношения между римлянами и эллинами. В провинции Киренаике проживало всего лишь 215 римлян, имеющих ценз не ниже 2 500 денариев. Они назначались в суды по разбору тех дел эллинов, по которым выносились смертные приговоры: Аналогичные дела в Риме разбирали *quaestiones perpetuae*, которые по закону Августа состояли из четырех декурий: заседатели от сенаторов, всадников, эрарных трибунов и дуценариев. Таким образом, в эти суды в Риме могли входить граждане, обладавшие цензом не ниже 200 000 сестерциев¹. В сравнении с этим поражает низкий ценз тех римлян, которым предоставлялось право участвовать в провинциальных судах. Ценз в 2 500 денариев, или 10 000 сестерциев, в 20 раз ниже ценза дуценариев и в 10 раз — декурионов в муниципиях. Нередко круг римских граждан, ведущих торговые и ростовщические операции в провинциях, ограничивают всадническим сословием²; эти операции ассоциируются с людьми, подобными другу Цицерона Помпонию Аттику. Наш источник позволяет говорить о весьма и весьма скромном достатке многих римлян и италиков, направившихся самостоятельно или в качестве клиентов римских предпринимателей искать счастья в отдаленные провинции.

лось наследников, должна была перейти к Риму. Но после Птолемея остался его сын, Птолемей Апион, завещавший Киренаику римлянам. Перевод завещания Еввергета с комментариями, а также историю захвата римлянами Киренаики см. статью акад. С. А. Жебелева — Манифест Птолемея Киренского («Известия Академии наук СССР. Отд. общ. наук», 1933, № 5, стр. 391—405).

¹ P. Willems — *Le droit public Romain*, Paris, 1883, p. 472.

² Виппер — *Очерки истории Римской империи*, Гиз, 1923, стр. 402, 403.

Отношения между римлянами и эллинами далеко не дружелюбны. Первые эдикты указывают одну из форм угнетения местного населения римлянами. Последние использовали свое исключительное право заседать в судах. Пользуясь этим, римляне составляли особые тайные сообщества (*τὴνὰς συνωμοσίας*); одни и те же лица выступали в качестве то свидетелей, то обвинителей и в результате этого многие ни в чем неповинные эллины приговаривались к смертной казни.

Использование судов в целях вымогательства известно из речей Цицерона против Верреса. В Галикиях личными врагами был обвинен некий Сопатр, которому удалось добиться оправдания у предшественника Верреса и который был осужден Верресом (Cicero, in Verr., II, 2, 28, 68 сл.). Но то, о чем рассказывает Цицерон, отличается от той ситуации, какую имеет в виду первый эдикт из Киренаики: В Сицилии в 70-х годах до н. э. суды стремятся использовать местные жители для того, чтобы причинить ущерб личным врагам. Это возможно тогда, когда на это соглашается наместник провинции. Далее, суд может использовать в своих личных корыстных целях наместник. В Киренаике суд используется римлянами, составляющими для этого тайные сообщества. Каких-либо других источников, напоминающих подобного рода положения, мы до сих пор не имели.

Первый и четвертый эдикты изменяют порядок судопроизводства. Первый эдикт устанавливает новый порядок рассмотрения дел, по которым выносятся смертные приговоры. Если подсудимый—эллин, дела должна разбирать смешанная коллегия судей, которая состоит из римлян и эллинов. Ценз, дающий право участвовать в судах, увеличивается в три раза: с 2 500 денариев он доводится до 7 500 денариев. Однако эдикт предусматривает такое положение, когда не найдется достаточного количества лиц для того, чтобы набрать нужное количество судей; в таком случае ценз может быть снижен до половины. О привлечении к участию в уголовных судах провинциалов до надписи из Киренаики не было известно. В своем «Уголовном праве» Моммзен устанавливал, как правило, что эти дела рассматриваются наместником провинции¹. Самый принцип создания смешанных коллегий для разбора подобного рода дел восходит к *lex Aurelia* 70 г. до н. э., когда в списки заседателей, участвующих в *quaestiones perpetuae*, включались в равном числе сенаторы, всадники и эрарные трибуны. При Августе, как уже указывалось выше, были привлечены также дуценарии.

В Киренаике по первому эдикту Августом был учрежден суд, разбиравший те же дела, что и некоторые секции *quaestiones perpetuae*, и по тому же принципу, по какому были организованы эти суды. Напомним, однако, что это преимущество касалось только эллинов и не распространялось на прочие категории населения. Кроме того, это распоряжение касалось только Киренаики и не распространилось на другие провинции, так как нам известно, например, что при Августе Валерий Мессала Волез в один день обезглавил триста человека (Seneca, De ira, 2, 5; Tac., Ann., VI, 68) и восхищался тем, что совершил поистине царское дело.

По сравнению с римскими *quaestiones perpetuae* новым было то, что обвиняемому предоставлялось право выбирать, желает ли он, чтобы его дело слушалось в смешанной коллегии из эллинов и римлян или состоящей только из римлян.

Любопытно в этом эдикте также и то, каким образом может возникнуть *accusatio*. Для римского уголовного процесса характерным является то, что в качестве обвинителя мог выступить любой гражданин. Первый эдикт в случае убийства эллина предоставляет право возбудить дело только эллинам, причем последние должны быть родственниками или согражданами убитого. Римлянам запрещалось возбуждать обвинение по такого рода делам, однако это запрещение не касалось эллинов, получивших

¹ Th. Mommsen—Römisches Strafrecht, Lpz., 1899, S. 95, 239, 348. Cp. Premerstein, op. cit., ZSt 48, 444).

права римского гражданства; подобно прочим эллинам, они могли возбудить дело, если убитый был их родственник или согражданин. В литературе, посвященной киренским надписям, возбуждался вопрос, какие прецеденты обусловили установление того принципа, что возбуждать обвинение могут только родственники или сограждане убитого. Преимущественное право родственников возбудить обвинение признавалось и римским правом, но эдикт выводит обращение в суд исключительно из желания родственников или сограждан отомстить за убийство (I, 33, 39).

Можно согласиться с мнением комментаторов, что этот принцип заимствован из греческого уголовного процесса¹.

Четвертый эдикт говорит о составе коллегии судей для разбора гражданских дел и уголовных преступлений, не караемых смертью. Август устанавливает, что судьями должны назначаться греки, если только обвиняемый или ответчик (*ὁ ἀπαγορευόμενος ἢ ὁ εὐθινομένης*) сам не пожелает иметь судьями римских граждан. Сам по себе принцип этот не является новым. У Цицерона (in Verg., II, 2, 13, 32) указывается, как был организован разбор гражданских дел в Сицилии: два согражданина судятся по законам своего города, для разбора дел сицилийцев из двух разных городов претор избирает судей по жребию; если частное лицо предъявляет иск к городу или город—к частному лицу, судит совет соседнего города; если тяжба ведется между сицилийцами и римлянами, то судьей назначается сицилиец, в том случае, когда ответчик сицилиец, и римлянин, когда ответчик римлянин. В письмах Цицерона к Аттику мы находим указание о предоставлении киликийским городам права вести суд по своим законам (Ad Atticum, VI, 1, 15; VI, 2, 4). Если сравнить сицилийский порядок судопроизводства с тем, какой вводится в Киренаике, то нужно отметить, что последний отличается большей простотой. Установлено общее правило, что судьи не могут назначаться из тех городов, из каких происходят обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик.

Таким образом, Август, возможно, стремился обеспечить местных граждан от произвола наместника. Чем, спрашивается, было вызвано это мероприятие Августа? Первые четыре эдикта Августа находятся, по нашему мнению, в определенной связи, и для того, чтобы понять причину появления первого эдикта, следует принять во внимание то, о чем рассказывается во втором эдикте. Римские граждане Авл Стлакций Максим и Луций Стлакций Македонянин вместе с вольноотпущенником Филеротом закованными были отправлены к Августу в Рим проконсулом Киренаики и Крита Публием Секстием Сцевою, так как они сообщили ему, что знают нечто, касающееся благополучия (*σωτηρία*) Августа и государства (*δημόσια πράγματα*, вероятно дословный перевод *res publica*). Август выяснил, что присланные под стражей в действительности ничего не знают и то, что говорили в провинции, они выдумали и показали ложно. Оставлен был под стражей известный уже нам Авл Стлакций, который, как показали послы из Киренаики, убрал из общественных мест статуи, на одной из которых было написано имя Августа. Неизвестно, что имеется в виду под благополучием Августа и государства. Речь шла о раскрытии какого-нибудь заговора. В провинции Стлакций и Филерот объявили себя, очевидно, причастными к этому заговору, ибо иначе не было оснований посылать их в Рим закованными. Остался в Риме Авл Стлакций. Проступок его был направлен не только против местного городского совета, но и против Августа, имя которого было написано на одной из статуй. Все это говорит о том, что римляне, живущие в Киренаике, не представляли собою людей, которых Август мог бы считать надежными в политическом отношении. Не забудем при этом, что Киренаика издавна была связана с Египтом и входила в ту часть Римской державы, которая управлялась Антонием.

¹ Stroux u. Wenger, op. cit., S. 104, 105. Ср. возражения Premers-stein'a, ZSSt, 51, S. 444.

Август прежде всего обратил внимание на недопустимость тайных обществ (*συνωμοσίαι*). На основании *Res gestae divi Augusti* (с. 1) мы можем установить, что греческому *συνωμοσίαι* соответствует по-латыни—*factiones*. Относительно них при Августе мы имеем замечание Светония (*Aug.*, 32): «*Plurimae factiones titulo collegii novi ad nullius non facinoris societatem coibant*» («Под названием новых коллегий составлялись тайные общества для совершения всякого рода преступлений»). Далее Светоний говорит, что Август распустил все коллегии, кроме старинных и дозволенных. Сообщества, о которых говорится в первом эдикте, относятся как-раз к той категории, о которой говорит Светоний.

Поведение римлян в Киренаике и вызвало опубликование эдиктов относительно судов. Ненадежным в политическом отношении римлянам Август стремился противопоставить лояльных граждан Киренаики. Римляне, во-первых, должны были поступиться в пользу эллинов половиной мест в судах, с другой стороны, очевидно, число римлян, которые могли принимать участие в судах, выносящих смертные приговоры, уменьшилось, так как ценз был увеличен в три раза. Из жителей Киренаики к участию в такого рода судах допускались эллины, обладавшие цензом в 7 500 денариев, другими словами, в суде могли принимать участие средние слои эллинского городского населения Киренаики. Как мы уже видели, прочие категории населения никаких привилегий не получали. Своими эдиктами Август выделял особый слой населения, не связанный, даже враждующий с римлянами и вместе с тем отличавшийся своими привилегиями от остальных жителей Киренаики.

Присмотримся поближе к этому слою. Мы уже говорили о значении понятия эллин. Однако и это понятие придется разграничить. Из среды всех эллинов, из всей эллинской корпорации (*τὸ τῶν Ἑλλήνων σῶμα*), выделяются римские граждане (Ср. *Ῥωμαῖοι τετετιμῆμενος* — I, 39, *πολεῖται τετετιμῆται* — III, 57). Любопытной чертой является гражданство этих лиц. За исключением особо привилегированных, Август приказывает римским гражданам из эллинов нести повинности наряду, в очередь (*ἐν μέρει*), со всеми членами эллинской корпорации. Очевидно, они, несмотря на приобретение римского гражданства, все еще состояли членами этой корпорации. На двойное гражданство указывает и то, что если римлянам запрещалось возбуждать в суде дело по поводу убийства эллинов, то это разрешалось делать римским гражданам из эллинов, поскольку они мстили за своих родственников или сограждан (*ὅτι... τῶν οἰκτῶν ἢ πολεῖται*). Из этого вытекает, что эллин, получивший права римского гражданства, оставался все же гражданином родного города.

Но дарование прав римского гражданства не должно было отразиться на благосостоянии города, оно не должно было повести к сокращению повинностей и налогов в пользу государства. Специальный эдикт, как мы уже сказали, предписывает нести эти повинности и тем эллинам, какие получили права римского гражданства. Однако и здесь было сделано исключение: создана новая категория лиц—это эллины, получившие права римского гражданства и вместе с тем освобожденные от литургий. Но полного уравнивания с римлянами все же нет, так как это освобождение касалось только того имущества, какое было в момент получения прав гражданства; с того же, какое было приобретено после, следовало платить в обычном для всех эллинов порядке. Итак, среди привилегированного местного населения—эллинов—искусственно созданы три прослойки.

Освобождение от повинностей дается вместе с правами гражданства. Это могло произойти по закону народного собрания, по постановлению сената, по декрету Цезаря или самого Августа. До сих пор не было известно, что права гражданства могли даваться сенатом, но еще более любопытным является то, что Август как бы признает, что в поли-

тике предоставления прав гражданства он идет по пути Цезаря. Это, по нашему мнению, находится в противоречии с тем, что говорит Светоний (Aug., с. 40); Август будто бы чрезвычайно скупой (*parcissime*) давал права гражданства, чтобы поддержать чистоту римского народа и предохранить его кровь от смешения с кровью рабов и чужестранцев. Это место Светония пользуется большой популярностью в современной буржуазной—даже нефашистской—литературе¹. Между тем, третий эдикт из Кирены заставляет усомниться в правильности замечания Светония. Это сомнение поддерживается и другими источниками, более надежными, чем Светоний.

Res gestae divi Augusti дают результаты трех переписей и результаты эти таковы: в 28 г. до н. э. насчитывалось 4 063 000 граждан; в 8 г. до н. э.—4 233 000 граждан и в 14 г.—4 937 000. Мы наблюдаем увеличение числа римских граждан; при этом, если за двадцатилетие, с 28 г. по 8 г. до н. э., число граждан увеличилось на 4%, то за последующие 22 года увеличение равно 11%. Этот рост числа граждан мы не можем объяснить естественным приростом. Повторение законов против безбрачия и бездетных браков показывает, что и во вторую половину правления Августа рождаемость не возросла. Остается допустить, что прирост новых граждан шел за счет предоставления прав гражданства провинциалам. Косвенным подтверждением этого положения являются некоторые положения в речи императора Клавдия. Выступая в сенате с предложением даровать права римского гражданства выдающимся членам галльских общин, Клавдий проводит мысль, что включение представителей новых племен и народов не было порчей крови (*temeratum sanguinem*).

В доказательство этой мысли Клавдий ссылается на Августа. «Не было новым обычаем,—говорит он,—когда дед мой, божественный Август, и Тиберий Август хотели, чтобы в этой курии был цвет колоний и муниципиев» (*Grunds—Fontes iur. Rom.*, 52). Все эти данные заставляют заподозрить достоверность упомянутого выше замечания Светония, тем более, что оно служит обобщением двух анекдотов, которые непосредственно за ним следуют. Мы можем допустить, что Август в даровании прав римского гражданства проявлял большую сдержанность, чем Цезарь, но что его политика в этом отношении не отличалась принципиально от политики Цезаря. Система «двойного гражданства», судя по третьему эдикту, восходит к Цезарю; Август пытается ее регламентировать, впоследствии же она получит в империи широкое распространение.

Характерным для политики Августа является последний, пятый эдикт. В нем от лица принцепса опубликовано постановление сената, касающееся вымогательства денег в провинциях. Устанавливается состав специальных судов, которые должны заниматься разбором этих дел, и порядок судебных заседаний. Подобно законам республиканской эпохи предусматриваются различные случаи, какие могут возникнуть при назначении судей и при проведении заседаний. Этот закон, о котором до открытия надписи ничего не было известно, завершает законодательство о порядке разбора дел о злоупотреблениях в провинциях, законодательство, вокруг которого не раз развертывалась партийная борьба во времена республики. В качестве судей для разбора дел назначаются сенаторы. Разбираются только такие дела, когда речь идет о возвращении средств, полученных путем вымогательства. Постановление сената предусматривает случаи, когда возбуждено уголовное преследование; в таком случае дело рассматривается в других судебных коллегиях, согласно предшествующим *leges repetundarum* (*lex Acilia*, 123 или 122 г., *lex Iulia*, 59 г. до н. э.).

Характерным для разбираемого нами сенатского постановления является упрощение самого хода разбирательства. Разбор дела следует начать тотчас же после того, как поступит жалоба; избранные по жребию судьи должны разрешить его в 30 дней, свидетели вызываются только из Италии; когда речь идет о возвращении

¹ Cp. Westerman—*Sklaverei*, RE, Suppl.; Duff—*The freedmen in the early Roman empire*.

общинных денег, должно быть не больше десяти, и когда речь идет о частных деньгах — не более пяти свидетелей.

В статьях, появившихся по поводу эдиктов Августа, были высказаны различные взгляды на разбираемое нами сенатское постановление. Premierstein относил его к категории *leges repetundarum*¹. Stroux и Wenger склонны видеть лишь установление особого рода рекуператорного процесса, относящегося к гражданскому судопроизводству².

Мы должны присоединиться к мнению Премерштейна. В пользу его мнения говорит мотивировка всего постановления. Во-первых, мы встречаем ссылку, что суды эти были установлены предками, т. е. имеются в виду *lex Calpurnia*, *lex Sempronia*, *lex Acilia* и др.; с другой стороны — дается критика прежнего законодательства. Критика эта весьма любопытна: «Суды эти иногда обременительны и тяжелы для тех, для кого был написан закон, поскольку из дальних провинций привлекаются в качестве свидетелей люди бедные или же немощные вследствие болезни или старости» (V, 93).

Постановление сената от 4 г. до н. э. Август публикует в качестве эдикта, и эта публикация мотивируется желанием показать заботу о провинциях (V, 74). Хотя в эдикте и есть ссылки на людей бедных, но в сущности он ориентировался на ту же категорию провинциального населения, как и первые эдикты, поскольку возбудить процесс могли лишь люди, обладавшие во всяком случае такими средствами, какие позволяли совершить путешествие в Рим.

Порядок подачи жалоб на вымогателей и разбора этих дел был определен сенатом, но по существу этот порядок направлен против сенаторского сословия. Республиканские законы против вымогательства отличались строгостью, но, вместе с тем, процесс был необычайно сложен и поэтому процессы подобного рода оказывали недостаточную помощь провинциалам, а были скорее средством политической борьбы. Обогащение за счет провинций было обычным явлением для последних столетий Римской республики. *Senatus consultum* 4 г. до н. э., создавая условия для быстрого разбора дела, в большей степени, чем законы предшествующей эпохи, гарантировал если не наказание за вымогательство, то возвращение сумм, полученных путем вымогательства.

Политика римского императорского правительства по отношению к провинциям является одним из существенных вопросов истории ранней Римской империи. Если эта политика может быть довольно отчетливо освещена в отношении династии Флавиев и Антонинов, то в отношении системы Августа у нас остается еще целый ряд неясных вопросов. В *Res gestae divi Augusti*, которые являются программой и в то же время апологией политики Августа, о провинциях идет речь в четырех случаях. Август говорит о том, что в провинциях он платил за те земли, которые отводились ветеранам (с. 16), о том, что им была оказана материальная помощь провинциям в 18 г. до н. э. (с. 18), о том, что были возвращены в храмы провинций Азии украшения, изъятые отсюда его противниками (с. 24), и, наконец, о том, что перед Актийской войной ему присягнули провинции: Галлия, Испания, Африка, Сардиния и Сицилия (с. 25). Однако все эти упоминания не дают еще права сделать те или иные заключения о провинциальной политике Августа. Но значит ли это, что у Августа не было тех или иных принципов в этой политике? Такого заключения мы сделать не можем, так как политическое завещание было обращено к римлянам и говорило только о том, что сделано для римского народа. На это указывает самое заглавие памятника: *Res gestae divi Augusti quibus orbis terrarum imperio populi Romani subiecit et impensarum quas in rem publicam populumque Romanum fecit*.

Между тем, политика по отношению к провинциям не всегда могла встретить сочувствие и у привилегированных сословий и у рядовых римлян. Тацит говорит, что установленный Августом порядок не был противен провинциям (*neque provinciae illum rerum*

¹ Premierstein, op. cit., ZSt, 48, S. 505—531; ZSt, 51, S. 444.

² Stroux u. Wenger, op. cit., S. 84, 115 ff.

statum abnuebant—Ann. I, 2). Он отмечает, что соперничество сильных, корыстолюбие должностных лиц подрывали авторитет сената и римского народа, а законы не могли оказать защиты, так как нарушались благодаря насилию, проискам и подкупам. Суждение Тацита не может быть отнесено ко всем провинциям. Недавно присоединенные провинции подвергались жестокой эксплуатации, и политика римлян по отношению к покоренным племенам вызвала восстание в Паннонии. Чрезмерное обложение Галлии опять-таки вело к недовольству населения. Но, тем не менее, политика по отношению к провинциям начинает меняться. В Малой Азии и Галлии ежегодно собираются представители городов для жертвоприношений в честь Рима и Августа и для того, чтобы выразить императору свои пожелания. Не ослабляя, но упорядочивая налоговую систему, Август стремился опереться на местную аристократию. Ценность разбираемых нами источников и заключается в том, что они дают возможность конкретизировать это положение. Они дают примеры того, каким образом в замиривших провинциях создавались группы, поддерживающие новое правительство и способствующие эксплуатации этих провинций. «Империя не только не устранила эту эксплуатацию, а, напротив, превратила ее в систему»¹. Эдикты Августа интересны и в том отношении, что они намечают тот процесс, который приведет в дальнейшем к нивелированию провинций. Мы уже видели, что греки в Киренаике получили право участвовать в суде, но эти суды организуются по римскому образцу, хотя следует заметить, что некоторые правовые нормы изменяются под влиянием греческого права.

Эдикты позволяют внести нечто новое в вопрос о тех правах и полномочиях Августа, какими он пользовался в отношении провинций. Киренаика вместе с Критом составляла сенатскую провинцию, но мы видим, что Август направляет эдикты проконсулу. Самый способ обращения к проконсулам различен: *δοκῶσι μοι καλῶς καὶ προσήκόντως ποιῆσθαι οἱ τῇ Κρητικῇ καὶ Κυρηναϊκῇ ἐπαρχίᾳ καθέζοντες* (кажется мне, что хорошо и предусмотрительно поступят те, кто будет управлять Критом и Киренаикой, I, 13, 14); *ἀρέσκει μοι* (мне угодно—III, 61; IV, 67). Наконец, когда заходит речь о том, чтобы эллины, получившие права римского гражданства, несли те же повинности, что и их сограждане, употреблено слово *κέλεύω* —приказываю.

Уже на основании способа обращения к проконсулу мы можем заключить, что последний являлся лицом зависимым, исполняющим волю императора. Привилегии, предоставленные городам Киренаики, даются также императором, тогда как во времена республики это делали проконсулы провинций. Императору принадлежит высшая юрисдикция по делам римских граждан, проживающих в провинциях. Об этом говорит эдикт второй. Римские граждане, посланные закованными в Рим, были признаны Августом невиновными, но эдикт подтверждает, что проконсул, направивший их в Рим, не заслуживает порицания и хулы; наоборот, он и впредь в подобных случаях должен поступать так же. Проконсул «поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью».

Несмотря на существовавшее с 27 г. разделение провинций на сенатские и императорские, император полновластно решает дела не только в своих, но и в сенатских провинциях. В силу каких полномочий? Ответ на этот вопрос дает замечание Диона Кассия: *ἐν τῷ ὑπάρχῳ τὸ πλεῖον τῶν ἐκασταρχῶν ἀρχόντων ἰσχύειν* (D i o, 53, 23, 5), на основании которого делается заключение, что в 23 г. до н. э. Август получил *imperium maius*. Не отрицая достоверности этого свидетельства Диона, как это до открытия надписей из Киренаики делал Mc. Fayden², мы склонны думать, что определенного разграничения функций по управлению провинциями между Августом и сенатом не

¹ Э н г е л ь с—Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 195.

² Mc. F a y d e n—The princeps and the senatorial provinces, «Philology», XVI, Chicago 1921, cp. P r e m e r s t e i n, op. cit., ZSSSt, S. 48, 435.

существовало. Постановление 23 г. скорее фиксировало то, что было уже на практике, чем давало новые полномочия.

Пятый эдикт бросает свет и на вопрос о взаимоотношениях между Августом и сенатом, неоднократно дебатировавшийся в исторической литературе. Мы можем во всяком случае проследить, каким образом подготовлялось и как принималось сенатское постановление. Проект сенатского постановления готовил *consilium principis*, избранный по жребии из сената—это, между прочим, первый документ, знакомящий нас с деятельностью императорского совета при Августе. На обсуждение его ставят консулы, причем в докладе указывается, что ставится он по желанию принцепса. В эдикте употребляется термин *ἡγεμὼν ἡμέτερος*, соответствовавший, очевидно, латинскому *princeps poster*. Происходит это в присутствии самого императора, который вместе с другими подписывает его (*δόγμα συνκλήτου... κερσθέν ἐμοῦ παρόντος καὶ συνεπιγραφόμενου*).

После этого сенатское постановление публикуется Августом в качестве его эдикта и рассылается не только в императорские, но и в сенатские провинции. Август ставит себя как бы наравне с сенатом: «Чтобы было ясно, какую заботу прилагаем мы: я и сенат» (*ἐγὼ καὶ ἡ συνέκλητος*) (V, 79). Любопытно, что в сенатском постановлении о тех, кто берется под защиту, говорится как о союзниках римского народа (*σύνμαχοι τοῦ δήμου Ῥωμαίων*; V, 89), а во вступительной части эдикта, исходящей от самого Августа, они называются по данным (*ὁπτασόμενοι*; V, 81).

Сенатское постановление, опубликованное в качестве императорского эдикта, официальное сопоставление в этом эдикте императора с сенатом—все это противоречит тем представлениям о юридических основах принципата, какие под влиянием Моммзена сложились в истории римского государственного права. И в отношениях между сенатом и Августом и в отношениях между Августом и сенатскими наместниками не было установлено вполне определенных границ. Обратим внимание на одно выражение первого эдикта. Август устанавливает определенный порядок производства, который действует до тех пор, «пока,—говорит он,—сенат не вынесет какого-либо решения или я не найду чего-либо лучшего». В литературе, посвященной принципату, вышедшей в последние годы, в связи с новыми эпиграфическими данными указывалось, что власть Августа нельзя вывести из тех магистратур, какие сосредоточились в его руках. Обращено внимание на новый вариант *Res gestae divi Augusti*, найденный в Антиохии. Этот вариант дал возможность определить точнее, чем прежде, текст одной важной части 34-й главы: *post id tempus auctoritate omnibus praestiti potestatis autem nihil amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu conlegae* (после этого, превосходя всех своим влиянием, я имел власти не больше, чем те, кто были моими коллегами по магистратуре). Моммзен вместо подчеркнутого слова читал *dignitate*, и это переводилось неопределенным выражением *достоинством*. В новой исторической литературе было подчеркнуто, что Август пользовался особым авторитетом, влиянием.

В гражданском праве с древнейших времен термином *auctoritas* обозначалась ответственность продавца за отчуждаемую вещь. В том случае, если продавец пренебрегал этой обязанностью, он отвечал перед приобретателем по иску *actio auctoritatis*. *Auctoritas* опекуна подтверждала сделку опекаемого. В таком же смысле имел *auctoritas* и сенат: без его одобрения (*auctoritas patrum*) во времена ранней республики не было действительно постановление народного собрания; опротестованное народным трибуном сенатское постановление записывалось иногда как *auctoritas patrum*¹.

Подчинение *auctoritas* основывалось на особом влиянии данного лица или учреждения, его «авторитете». После падения республики *auctoritas* имел и принцепс. Этот авторитет, влияние и давали Августу основание вмешиваться во все дела управления. Те или иные магистратуры, сосредоточенные в руках Августа, не были истинной основой власти Августа, а скорее ее юридическим оформлением.

¹ Heinze—*Auctoritas*. «Hermes», 60, 1925, S. 348—366.

Авторы, подчеркнувшие значение *auctoritas*, однако не пошли далее установления этого факта. Между тем, задолго до открытия памятников, проливших новый свет на власть Августа, Энгельс писал: «Материальной основой нового правительства было войско, похожее более на армию ландскнехтов, нежели на старое римское крестьянское ополчение. Моральной же основой было всеобщее убеждение, что не тот или иной император, но эта основанная на военной диктатуре империя является неизбежной необходимостью»¹.

Эдикты Августа позволяют судить и о его системе управления. Попытки найти незыблемые принципы управления, четко определенную программу оказались бы тщетными. В самом деле, жалобы провинциалов на поведение римлян в провинциях, нелояльное отношение последних к Августу заставляют последнего ввести новую систему уголовного производства. Вводится римский принцип разбора тяжких уголовных преступлений, но, чтобы устранить произвол римлян, допускается греческий принцип подачи жалоб. Но поскольку было затронуто уголовное производство, был введен и новый порядок гражданского судопроизводства, а вместе с тем подчеркнуто, что получение римского гражданства не дает еще оснований для поголовного освобождения от повинностей. Распоряжение это касалось только Киренаики. Итак, нельзя говорить об общих мероприятиях Августа в отношении провинциальных судов. Август руководствовался лишь одним принципом: укрепить свою власть, расширить социальную базу за счет провинциальных рабовладельцев—в этом отношении он был последователен. Наконец, ряд отдельных выражений в тех или иных эдиктах характерен для Августа как политика. «Пока сенат не вынесет какого-нибудь постановления или я сам не найду чего-либо лучшего» (I, 12), «до тех пор, пока я не разберу этого дела» (II, 54). В них выражены осторожность, нерешительность, неопределенность, характерные для последних периодов правления Августа.

Необходимо коснуться также некоторых вопросов, связанных с источниками по истории принципата. Эдикты из Киренаики уже позволили нам показать недостоверность одного суждения Светония. Немало споров в исторической литературе вызвала речь, которую Дион Кассий вкладывает в уста Меценату (D i o, 53, 14—40). Если большинство современных исследователей видят в речи Мецената отражение политических взглядов Диона Кассия, то другие все же считают возможным утверждать, что в этой речи формулирована программа принципата, что Дион Кассий использовал памятники, современные Августу². Отметим только одно место. Меценат у Диона Кассия говорит Августу, что провинциальные города «не должны посылать к тебе никаких депутатий, за исключением тех случаев, если бы имелось какое-либо дело, требующее такого рода разрешения, но пусть докладывают о своих желаниях своему наместнику и через него пусть приносят свои просьбы, какие он одобрит» (D i o, 53, 30). Первый и второй эдикты указывают, какую роль играли провинциальные посольства. Они давали возможность Августу контролировать действия провинциальных наместников и следить за римлянами, живущими в провинции. Пятый эдикт облёгчал представителям общин, посольствам подачу жалоб на тех, кто вымогал средства.

Итак, эдикты из Киренаики дают возможность осветить целый ряд вопросов, относящихся к принципату. Главное их значение в том, что они являются источниками, рисующими нам принципат в действии. Среди эпиграфических памятников, относящихся к эпохе Августа, они должны занять второе место после *Res gestae divi Augusti*.

Н. А. Машкин

¹ Э н г е л ь с — О происхождении христианства, Соч., т. XVI, ч. 2.

² Н а т т о н d, op. cit., p. 23, 197.